

Ольга Трушкова

Не потерять себя

Повесть

Ольга Трушкова

Не потерять себя. Повесть

«Издательские решения»

Трушкова О.

Не потерять себя. Повесть / О. Трушкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742690-3

Живёт на свете старик Силантий. Открытый, простой, бесхитростный. И кто бы ни попадал в его орбиту: бывший ли уголовник Колян или Никита, человек со сложной судьбой, каждый находит в этом старике понимание и искреннее сочувствие, что так важно в наше сумасшедшее время. И трижды прав его внук Сергей, произнёсший эту фразу: «Живи, дед, как можно дольше, иначе без таких, как ты, мы совсем зачерствеем в этой... жизни».

ISBN 978-5-44-742690-3

© Трушкова О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Не потерять себя Повесть Ольга Трушкова

© Ольга Трушкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Если я потеряю совесть, я потеряю себя».
Уильям Шекспир

Глава 1

– Дед, ну, поедem к нам! Я тебя со своей девушкой познакомлю. С Алёнкой. Она хорошая. Если понравится тебе у нас, так у нас и останешься. А что? Вода прямо в доме. И горячая, и холодная. Туалет опять же не на морозе. Не хочешь с нами – у родителей живи. Там тоже все благие устройства в наличии имеются.

– А чым я там заниматься буду у тым городе? – дед был обрусевшим белорусом, но родную мову почитал и не желал избавляться от акцента, даже если разговор вёл по-русски.

– У нас останешься – будешь с Алёнкой в «Салон красоты» захаживать, на красавиц любоваться. Вы же с дедом Николаем это дело любите.

Вот зараза, всё намекает на ту старую историю с интернетом, когда они с кумом на поганый порносайт случайно зашли, а Марья их застукала. Силантий, опасаясь острого языка своего внука, решил, на всякий случай, проигнорировать намёк на невольное его прегрешение.

Внук отхлебнул ароматного чая, настоящего на мяте с кипреем, и продолжил агитацию:

– В сауну с тобой по выходным ездить станем, пиво пить. Массажи разные делать.

– Фи, – презрительно фыркнул дед. – У меня баня есть. И ехать никуда не надо. А массаж мы с кумом берёзовым веником таки робим, яки вам и у сне не приснится! Пиво? Так опосля бани ничего нет лучше соку берёзового или морсу брусничного.

Старик пододвинул к Сергею банку с мёдом.

– Ешь. Гречишный. Очень полезительный.

Пожевал губами и попытался пойти в контратаку:

– Ну, с проживанием у тебя мне усё ясно. А у батьки твоего я что буду робить?

– Будешь рецензии на их статьи писать. Молодых студенточек консультировать.

– Консулт... что? Кого? – дед чуть не поперхнулся чаем.

– Ну, ладно. Не хочешь скучной наукой заниматься, придумаем что-нибудь интереснее. Соглашайся! Слышь, дед?

Внук налил ему вторую чашку чай, придвинул поближе тарелку с привезёнными из города пирожными и опять пошёл в наступление:

– Ты ешь, ешь. Это Алёнка сама пекла, специально для тебя старалась.

– Для приманки, что ль? – усмехнулся дед.

– Ну, и для неё тоже, – не стал лукавить внук, – может, хоть этим тебя в город выманю.

– А хату я на кого кину? Огород? – упрямылся старик.

Сергей оставил шуточный тон и перешёл на серьёзный разговор:

– Дед, у нас дача есть. Захочешь в земле покопаться – Бога ради! Ну, сам посуди, как ты теперь один-то будешь жить, без бабули? А если и тебя так же внезапно прихватит, как её, кто тут хватится-то сразу? Хорошо, коль через неделю заметят, что, вроде, давно дед Силантий за ворота не выходил.

– Рано меня списывать узялися, – сурово нахмурил седые брови Силантий, – я ещё поскриплю.

– А кто ж против твоего скрипу? Только пусть это будет на пятом этаже и в трёхкомнатной квартире. Там по соседству с предками бабка Анна живёт, вот вместе скрипеть и будете, – внук озорно подмигнул деду и весело расхохотался – не давался ему этот серьёзный тон.

Улыбнулся и Силантий. Ну, не мог он быть строгим, тем более, суровым со своим любимцем, единственным внуком.

Он махнул рукой и положил конец этому не раз уже возобновлявшемуся разговору:

– Выкопаю бульбу, а там побачым. Мож, мать твоя не захочет меня принять. Или девчине твоей я не сподобаюся. Ещё надо с кумом переговорить. Как он скажа, так и зробим. Силантий ополоснул под рукомойником чашку из-под чая и вышел из хаты.

Ну, что ты будешь делать с этим дедом!

Раздосадованный Сергей достал планшет и попытался успокоить себя работой, но никак не получалось сосредоточиться. Мысли, как стриптизёрша вокруг шеста, всё время крутились вокруг Силантия. Старый ведь. Восемьдесят два года. Хоть и хорохорится, а здоровья-то нет. Вот уедет завтра Сергей в город, и опять будут они все: мама, отец и он сам – как на иголках. Как там дед? Как узнать? Уже и мобильник ему простенький мама купила. Единственная в нём крутизна – фотокамера. Прежним, Сергеем подаренным, дед пользоваться не хотел, говорил, что сложно. В этом плане он, конечно, прав: не для его артритных пальцев сенсорный дисплей. Это только бабуле под силу было. С телефоном тем навороченным внук явно промашку дал. Так дед и с простой трубы звонить не хочет! Денег ему внуковых, видите ли, жалко.

А до него самого дозвониться, вообще, – глухой номер: отключает аппарат, чтоб батарейка зря не работала. Вот и звонят они: то отец с матерью, то Сергей – деду Николаю, человека от дел отрывают.

Нет, всё равно должен он уговорить деда на переезд.

Силантий, вроде, и согласен был, да чуток побаивался. А ну, как не заладится там чего? А ну, как не ко двору придётся он в том городе?

И не то, чтобы Лилия их со старухой не жаловала, но Марья так и померла, не примирившись с сыновней избранницей. Хотя самому себе Силантий не мог не признаться в том, что неприязнь-то шла только от свекрухи. С невестки-то чего взять? Девка городская: ни грядки тебе посадить-прополоть, ни корову обладать. Всё с книгами да бумажками, которые сын какой-то диссертацией называл.

Силантий был твёрдо убеждён, что в мире каждому своё предназначение Богом дано: одному – землю обихаживать да скотинку доглядать, другому – наукой заниматься да книги умные писать с разными там диссертациями. Невестку не осуждал, относился к ней с приязнью и даже любил по-своему. Он был очень близок к истине, полагая, что Лилия, возможно, и не подозревает о не совсем нормальном отношении к ней матери мужа, потому как сама-то невестка к ним всегда с уважением, всё по имени да по отчеству. Вот это Марье больше всего не нравилось, хотела она, чтобы та её матерью называла.

Старики-то надеялись, что на агронома аль на зоотехника выучится сын. Супротив ветеринара тоже ничего не имели. Чайли, что и молодицу себе возьмёт из своего села. Доярку аль фельдшерицу. Можно, и настауницу, учительницу, то есть. А вышло по-иному, потому что Федьку Григорий Павлович, учитель истории, ещё сызмальства сбил с панталыку. К чтению приучил... И живёт теперь Федька, как и его Лилия, в книгу уткнувшись.

Так-то он, учитель, человек был хороший, уважительный, но малость с придурью. Зачем-то курган за Зиновьихиным покосом с ребятнёй раскапывать взялся – клад искал, наверное. Это ещё при социализме было.

Только вместо богатств несметных отрыли они два каких-то рога, три кости да кувшин глиняный. Вот, наверное, тогда он умом-то и тронулся. Шутка сказать: не золото найти, а непотребность какую-то несусветную! Легко ли такую беду пережить?

Его тогда не только местные жители жалели, но и большие люди в областном центре. Прислали в утешение грамоту из музея в обмен на кости найденные и даже пообещали откомандировать цельную бригаду, чтобы дальше курган раскапывать.

Ох, и счастливый же, помнится, ходил по селу об ту пору Григорий Павлович, ну чисто дитё малое! Сказки какие-то всё рассказывал о древних людях, откапывать которых ту бригаду должны были подрядить. Силантий внимательно слушал его, поддакивал, а сам думал: «Вот зачем такого блаженного, такого светлого человека власти дурят? Грех это. Ведь никто ничего копать здесь не станет. Истлевшие кости – это не нефть, не золото, прибыли никакой».

По Силантьевому-то и вышло. Началась перестройка, не до кладов стало. Все бросились делить богатства, уже откопанные.

Бабы наши деревенские заботились об учителе. Кабы не они, он за книгами своими и поесть бы забывал. А так, глядишь, то Мишка Ульянин с чашкой творожников да банкой молока к учителю бежит, то Петька Кузьмы-тракториста пакет со снедью тащит. И с постирушкой ладно было. Замок-то на двери его квартиры просто так висел, можно сказать, без ключа. Григорий Павлович ключ рядом на гвоздь вешал, чтоб не потерять. Зайдут соседки, соберут грязное, а потом всё, только уже чистое, подлатанное да с пришитыми пуговицами, вернут тем же путём.

Шибко жалели учителя наши бабы и гневались на жену его непутёвую, которая бросила Григория Павловича и сбежала в город с клубным работником.

Ребятишки гуртом за ним ходили.

Да и то сказать, много чего знал Григорий Павлович и умел рассказывать так, что даже Силантий иной раз рот закрывать забывал заслушавшись. А когда учитель поведал нашим бабам про казнь Марии Стюарт, так те даже панихиду захотели по ней заказать у местного батюшки, но Григорий Павлович объяснил, что вера у той шотландской Марии была католическая и отпевать её по православному не положено. Грех.

Правда, люди не поверили, что Мария была не русской национальности. Имя-то наше. Однако Григорий Павлович и тут нашел, что сказать: мол, имя Мария корнем своим идёт из иврита, ежели по Библии брать. Да и Иван тоже. Покачали бабы головами и разошлись. А учителя с тех пор ещё больше жалеть стали. Болезный потому что. Ишь, чего удумал-то? Иван да Марья – евреи! Тьфу! Да отродясь они ими не были!

В начале 90-х стал сдавать Григорий Павлович. А уж после того, как два приехавшие из города мордворота, представившиеся профессорами каких-то древних наук, его крепко побили и забрали коллекцию старых монет вместе с иконой Казанской Богоматери, которую написали ещё в среднем веке, учитель совсем занемог. Он призвал к себе Федьку, сына Силантия, и передал ему два ящика из-под сгущенки с бумагами и газетными вырезками. Федька тогда уже историческим доцентом в университете работал и при помощи этих бумаг мог высидеть по службе. Конечно, Силантий не очень в это верил, но в это верил учитель.

Только Федька не стал на чужих ящиках возвышаться, а всё пропечатал под именем, как он говорил, настоящего автора трудов. Учителю какое-то звание должны были присудить, но не успели. Помёр учитель.

Родных у Григория Павловича не было, хоронили всем селом. Хорошо похоронили. Не будет обижаться. Микола, кум Силантия, тоже белорус, доски сосновые сухие на гроб дал, себе их берег. Кум – мужик крепкий, ещё успеет сосны засушить. Он уже, кажись, в третий раз со своего гроба материал-то отдаёт. В селе, как кто преставится, так родственники упокоенного и говорят:

– Надо до Николая идти, у него добрый товар.

Теперь кум начал сушить доски уже на несколько гробов сразу. Мало ли чего. Отдашь со своего, а сам потом в сырой ляжешь.

Силантий тоже на чердак шесть тесин забросил. К себе примерил – должно хватить. Не забыть бы, внуку сказать про заготовку-то.

Стол поминальный бабы наши тоже по-людски организовали. Кума Одарка, жёнка Миколы, блины целый день пекла, чтоб всем хватило. Соседка Силантия кисель в двухведёрной кастрюле варила. Силантий помогал ей эту кастрюлю с печки снимать. Его Марья булочки стряпала.

Местный буржуй, который себя предпринимателем кличет, целый ящик водки дал из своего магазина, вина и из закусок там чего-то. Друг его, тоже бурж... то есть, предприниматель, котлет и колбасы привёз. Сам привёз!

А иначе и быть не могло, потому что и они сами, и их детки тоже у Григория Павловича учились. А ещё учитель им какие-то юридические бумаги помог составить, чтобы они своё ЧП организовали и на учёт поставили по всем правилам. Учитель очень грамотный был. По всем вопросам до него шли, и никому он в помощи не отказывал.

Говорят, что предприниматели своих друзей компаньонами называют. О-хо-хо, и тут на иностранный манер. Вот Силантий с Миколой с детства в сябрах, то есть, в друзьях ходят. А теперь они что, компаньонами стали?

Внук как-то пытался объяснить разницу между дружбой Силантия с Николаем и дружбой новых русских, только дед всё равно не понял, почему дружба бывает разной. Выходит, у них с кумом – одна, а у предпринимателей – другая? Неправильно это. Дружба, она дружба и есть. Или нет её.

Внук ещё про конкурентов каких-то говорил. Ими становятся друзья, когда чего-то не поделят. Вроде, как и друзья они, только заклятыми становятся. Иногда даже смертными. В смысле, убить друг друга могут. Это не понятно не только Силантию, но и его сябру куму Миколу. Как, вообще, можно убить человека из-за чего бы то ни было?

Нет, наши новые русские, местные которые, – не такие. Ладно, пусть называют себя компаньонами, только – упаси Господь! – не заклятыми. Не конкурентами.

Выходит, как при жизни своей делал, так и смертью своей учитель всё село собрал воедино: старых русских и новых, сябров и компаньонов.

Правда, глава администрации хотела, чтобы не село, а соцзащита хоронила Григория Павловича, поскольку безродный он. Да куда там! Наши бабы такой гвалт в сельсовете устроили, так поднялись на главу, что она даже свои деньги на похороны в общую кучу вложила. Целую тысячу! Силантий думает, что это она с перепугу, а кумов сосед говорит, что глава потом вместо этой одной тысячи целых три отмоет похоронами и в свой карман упрячет.

На похороны вместе с Федькой приехали солидные люди. Многие из них учились у Григория Павловича и стали теперь большим учёными. Правда, были они почему-то такими же нищим, как его Федька и их учитель.

Могилку огородили штaketником, а памятник из города привезли. Большой. Дорогой. Из гранита. Это уже университет расстарался.

Теперь школа за могилкой ухаживает. Цветы садят, столик и лавочку сделали. На родительский день люди и к нему навещают, добрым словом, рюмкой да блином с киселём поминают. Бабы, как по родному, слёзы вытирают и самодельные бумажные цветочки возле памятника кладут.

Нет, любили Григория Павловича, любили. Хороший был человек. Светлый. Он всегда говорил о каких-то вечных ценностях, о сопереживаниях, о духовном единстве людей, об их высоком предназначении. Не всё из сказанного учителем понимали односельчане, но одно было ясно, как Божий день: человек должен оставаться человеком. Всегда. При любых обстоятельствах. Главное – не потерять облика своего, не изгадить души.

Что ж, все там будем. Вот и Марья у Силантия померла, одного его оставила. А ведь молодая совсем была, восьмидесяти ещё не исполнилось.

И на здоровье особо не жалобилась, а скрутило вот её в одночасье, и сгорела она, как свечка. Два года уж минуло, а ему всё кажется, что она где-то рядом и живая. Конечно, почти шестьдесят годов бок о бок прожито, разве ж можно теперь представить себя без второй половины? Только теперь-то и понял Силантий, почему жену называют «вторая половина». Не стало Марьи – стал Силантий наполовину (на половину!) пустым.

Днём ещё туда-сюда, где разговором с кем-нибудь себя займёт, где – работой. А вечерами хоть волком вой от тоски и одиночества. Может, и прав внук? Может, и впрямь лучше к ним поехать? Хотя бы на зиму. А что? Не понравится, не приживётся – вернётся в деревню. Кум Микола тоже советует попробовать городских булок. И за хатой пообещал приглядеть.

Ладно. Приберёт Силантий огород, а там видно будет.

Была и ещё одна причина, которая держала Силантия в деревне – преданный и верный друг Полкан...

Полкан подошел к сидящему на крыльце хозяину и улёгся у его ног. В его глазах плескалась тревога. Силантий понимал, ЧТО лишило привычного покоя его друга: умное животное чувствует предстоящую разлуку и боится её. Да и сам старик боялся этого. Но разве мог он навязать сыну и внуку ещё и старого Полкана? Хватит с них и одной немочи – старого Силантия. Однако и бросить верного пса он тоже не мог.

Как-то, ещё при советской власти, попалась Силантию заметка в газете, где писали об одном умирающем иностранце-миллиардере, который всё своё состояние завещал своему догу. Покрутил тогда молодой Силантий головой в недоумении, посмеялся над причудами богача, из ума выжившего, да и забыл. А три года назад жизнь напомнила ему эту историю и заставила посмотреть на того иноземца иными глазами.

Четыре года назад померла их соседка Тамара, а спустя год следом за ней ушёл в мир иной и её муж Аркадий, царствие им небесное. Дети похоронили их, всё честь по чести. Хороших сыновей вырастили соседи, тут нечего Бога неправдой гневить. О родителях всегда заботились, и похороны провели достойно, и поминки – пристойно. Потом дети продали дом, нажитое добро разделили, а кошку бросили на произвол судьбы. Не потому бросили, что безжалостными оказались, а по своему недомыслию.

Бродила бедняжка бездомная, дичать начала. Что бы с ней дальше стало, неизвестно, но попалась она Марье на глаза. Забрала её Марья к себе в дом. Кошка славная была, воспитанная, не пакостливая. Да только вот их родная кошка обижать начала приёмную. Тогда Марья позвонила одной из невесток умерших соседей, объяснила ситуацию, так, мол, и так. Приехал старший сын и забрал животное.

Эта история хорошо закончилась, а ведь могло бы быть и по-другому.

Так что не в маразме был тот богач, который своему догу миллиарды завещал, а в здравом уме и трезвой памяти. Состояние-то всё равно детям отошло, поскольку они опекунами были при доге том, зато собаке была гарантирована сытая жизнь в тепле да добре до самой глубокой её собачьей старости.

Вот и Силантий теперь в растрёпанных чувствах. Что с Полканом-то станет, если он в город уедет или помрёт?

Вышедший из хаты Сергей увидел сидящих на крыльце стариков и понял, что не упрямство держит деда в деревне, а вот этот пёс, которого дед никогда не предаст. А разве сам Сергей мог бы предать своего друга?

Видно, и впрямь Бог создал животных, чтобы отогревать наши сердца. Даже холодные. Сердце же Сергея холодным никогда не было.

– Аксакалу – наше почтение, – шутливо поприветствовал он Полкана и протянул ему руку. Тот вложил в неё свою лапу. – О чем философствуете? Обсуждаете предстоящий переезд?

Любовно потрепал собаку по загривку и озабоченно произнёс:

– Надо ошейник новый купить да прогулочную цепь. А будку тебе на даче смастерим. По проекту загородного дома нашего мэра.

Сергей говорил о переезде Полкана, как о деле, давно решённом, хотя само решение было принято им только сейчас.

Силантий тяжело поднялся со ступеньки крыльца, потёр ноющую спину и ответил внуку:

– Погоди трохи, не гони коней-то. Мы с Полканом ещё рэзальюцию на твое предложение не написали. Пошли спать. Табе ж завтра у город ехать спозаранку.

Едва рассвет отснятым молоком просочился в окно, Силантий встал с постели. Он включил электрический чайник, подаренный невесткой Лилией на день его рождения, ополоснулся под рукомойником и вышел во двор. Полкан, лениво потягиваясь, вылез из будки, подошел к принесённой хозяином чашке с едой, но есть пока не стал – рано, ещё не проголодался.

Силантий присел на широкое крыльцо, пёс, как всегда, пристроился рядом.

– Что присоветуешь, Полкаша, ехать нам до городу чи не? – спросил собаку старик и погладил его по значительно поредевшей шерсти.

Полкан посмотрел умными глазами на хозяина, положил ему на колени передние лапы и тихонечко заскулил.

– Да ты не журишь, – попытался успокоить его Силантий, – Сярога ж говорит, что и тебя не спокينه. На даче жить будешь. Во как! Чуешь? – Старик поднял вверх указательный палец и повторил с уважением. – На даче! Да и я, мабуть, там же притулюсь. Будем удвох дачу стеречь.

Полкан убрал лапы с колен Силантия и старческой походкой побрёл к будке.

– Не согласный, – Силантий огорчённо вздохнул. – Но другого выхода у нас няма, друже ты мой верный. Тебе без мяне не след заставаться тут, а мне таксама нельзя больше одному. Сердце ужо два разы прихватывало. Это ещё дети про мою хворобу не ведают, не то подавно у город увезли б. Старость, ничога не зробишь. Хведьке с Лильей спокойней буде, коли я у их на вочах находиться стану. Сяроге не надо буде кажинну неделю мотаться туды-сюды. Да и ты не останешься без догляду, коли я раней тебя помру. Усё. Точка».

И встрепенулся: «От старый дурень. Рассиживаюсь туточки. А уже время Сярогу будить, не то он на работу свою спознится.»

Сергей собирался быстро, по-солдатски. В морпехе служил, не абы где! Силантий гордился красавцем и умницей внуком. Вот всего тридцать пять годков, а уже и в армии отслужил, и университет закончил. Механизмы разные изучил, теперь ремонтом машин занимается. Только жениться никак не хочет. Вот это деду не по нраву.

И ещё ему не нравится, что Сергей навроде буржуя теперь числится, тоже предпринимателем стал. Свою мастерскую имеет, которая фирмой называется. А фирму кличут сервисом. Внук эту фирму с Артёмом, армейским другом, организовал на паях, и теперь они уже не друзья, а компаньоны.

Вот не нравится деду это компанейство, и всё тут. Легкомыслием отдаёт. Надёжности не чувствуется.

Кто в беде плечо тебе подставит? Правильно, друг. А сделает ли это компаньон? Вряд ли. Дружба бескорыстна. Компанейство лукаво. Может, Силантий и не прав, но он думает именно так.

Вспомнилось старику, как приезжал Сергей с Артёмом к нему в гости сразу после демобилизации. Да и потом, когда студентами были, тоже каждое лето навевались. Хорошее было время. Марья была жива, и парни тогда были ещё просто друзьями. Загорелые. Красивые. Мускулами поигрывают. Весёлые. Каждому восходу солнца радовались. Всех девок деревенских начисто сна и покоя лишили.

Тогда они на электричке ездили и по тропинке лесной от станции до их деревни пять километров в четыре ноги отмеряли.

А когда уж хлопцы из друзей в компаньоны перешли да на больших чёрных машинах начали приезжать, то перестали не только радоваться восходу этому, но и вообще замечать его. Да и девок тоже. И разговор-то у них всё время крутится вокруг да около работы, которая по ихнему бизнесом называется.

Вот и сейчас пьёт внук чай с мёдом, а ни аромата, ни вкуса, вроде, как и не замечает. Думает о чем-то, брови сдвигает и глаза щурит.

Зазвонил телефон. Сергей посмотрел на дисплей и отбил вызов. Телефон не унимался.

– Я же просил меня не беспокоить, – недовольно проговорил в трубку внук. С минуту слушал, потом произнёс:

– Скоро буду. Сам разберусь. Пусть подождёт.

– Что-то неладное зробилося? Поезжай уже с Богом! Ось банку варенья я тебе у пакет поставил, не расхлещи по дороге.

Силантий заволновался, засуетился – там хлопот полон рот, а внук тут с ним, старым пнём, нянькается! – и ещё раз спросил, не случилось ли чего на его работе, то есть, на бизнесе том.

– Дед, не грузись, ноу проблем, это мои обычные дела со всеми вытекающими, – отмахнулся Сергей и, с тревогой вглядываясь в худое, осунувшееся лицо Силантия, строго-настрого приказал:

– Ты сам-то с картошкой не возись, найми людей. Деньги на комод. Я приеду ровно через неделю. Этого времени тебе на сборы хватит. Отговорки не принимаются.

Он обнял старика, похлопал по худым лопаткам и пошел к своему джипу. Садясь в машину, оглянулся и добавил:

– Если справишься раньше, позвони. Я приеду за тобой сам или пришлю кого-нибудь. Да на звонки отвечай! Сколько тебе объяснять, что разговоры теперь стоят копейки? На мобильник и на интернет я тебе нужную сумму сбросил.

Лукаво прищурился и таинственно прошептал:

– Можешь, даже на сайт знакомств зайти. Или на эротику. Не бойсь, я предкам тебя не сдам!

Расхохотался и махнул рукой:

– Ну, бывай! До скорого!

Заноза, а не внук! Нет-нет, а и напомнит про тот конфуз, что случился с Силантием шесть лет назад.

Шесть лет назад внук подарил им ноутбук. Быстренько объяснил, что там да к чему, и укатил в свой город. Силантий как-то равнодушно отнёсся к подарку – он же не малец, чтоб цацке радоваться. А вот Марья, как кум сказал, «подсела» на интернет. Кум ещё говорил что-то про вирусы, которые в компьютерах заводятся, и, выходит, старуха-то Силантия один из них и подцепила.

Она умудрялась так ловко в этот интернет лазить, как и в печь-то русскую не всегда залезть изловчалась. Целыми вечерами сидит за этим ящиком. С внуком начала разговаривать на каком-то непонятном языке. То и дело мелькают чудные слова: байт, сайт, сервер, загрузка и прочее.

А когда внук однажды заметил, что у его бабули «винда зависать стала», оторопевший старик долго тайком присматривался к своей Марье, пытаясь понять, что такое с ней стряслось и, главное, как это могло произойти? Прямо спросить об этом ему было неудобно. Но старуха ни на что не жаловалась, вела себя привычно, и он успокоился. Ну, зависла и зависла – возраст всё-таки.

Решил Силантий и сам в этот интернет сходить. Один идти побоялся, кума Миколу позвал за компанию.

Как уж там вышло, чего уж кум намудрил, а попали они на что-то, совсем непотребное. Как увидел Силантий, чем его старуха-то по вечерам занимается, каких Аполлонов голых разглядывает, так и вскипело его ретивое. Тут он и про винду зависшую вспомнил!

Кликнул грозно старик свою насквозь порочную Марью, велел немедля предстать пред очи его, гром и молнии мечущие. А пока «развратница» шла на вполне заслуженную публичную экзекуцию, кум нечаянно ткнул «мышкой» куда-то не туда и на дисплее появилась голая девица. И вылезла-то эта голая девица аккурат в тот момент, когда Марья, вытирающая руки о передник, входила в комнату. Теперь уже очи Силантьевой супружницы заматали громы и молнии:

– Ишь, чым они занимаются тут? Срамных девок раглядают, старые кобели! – возопила женщина, оскорблённая изменой мужа, пусть даже и виртуальной. Какая разница? Измена, она измена и есть! – Порося у пригоне доску выломало – он не бачить! И де ж ему это бачить? Он же с кумом своим по инету знаёмства ищет с молодыми развратными тёлками! Они же тут зенки свои бесстыдные пьют на непотребу усялякую!

«Тёлок» она тоже вместе с байтами-серверами у внука позаимствовала как компьютерный сленг, по аналогии: «виртуальный игрок – геймер», «виртуальная срамная девка – тёлка». Вот ими-то, тёлками, да ещё ехидным завершением своей обвинительной тирады Марья окончательно и бесповоротно деморализовала мужиков.

Посрамлённые Силантий и кум Микола молчали и стыдливо отводили глаза не только от той развратной девицы, но и друг от друга. Что тут скажешь? Попались с поличным.

А когда Марья ещё и баланс проверила да тут же озвучила им и сумму, на которую они, «старые кобели», разорили её любимого внука, когда лицезрели ту красу неземную, «зенки их бесстыдные» вообще на лоб вылезли.

Кум потом долго боялся, что Марья расскажет его Одарке про непристойное их с Силантием поведение, хотя Силантий, хорошо знавший свою жёнку, уверял его в обратном: Марья никогда не станет вносить раздор в чужую семью.

А внук-то её любимый как раз и был всему виной, потому что это он, срамник и пересмешник, взял да и ввёл бабке в «Журнал избранного» эротический сайт и сайт знакомств, куда по неведению, по недоразумению и забрели ни в чём не повинные друзья-товарищи. Вот что ты с ним будешь делать, с озорником этаким?

Но по вирусу кумовья тоже подхватили, потому что после этого случая нет-нет, да и заживали в интернет, только теперь, наученные горьким опытом, с очень большой осторожностью и под Марьиным недрёманным оком. С Марьиным оком им было как-то спокойнее. За, баланс, разумеется. Ну, и за свой моральный облик, само собой. Не даст им Марья так низко пасть, как в тот раз вышло-то, будь оно неладно...

Силантий долго смотрел вслед удаляющейся машине, потом запер ворота, спрятал оставленные внуком деньги под матрац, ухмыльнулся его глупости и пошёл копать картошку.

Ага, так и разбежался он нанимать кого-то! Будет он отдавать деньги за то, что наёмники половину картошки в земле оставят! Сам выкопает. И звонить почём зря не будет – не хочет на пустые разговоры деньги тратить. Тем более, деньги внука. Пусть внук лучше мороженого девчине своей купит лишний раз да в кино её сводит или в кафе.

Силантий вспомнил, как угощал когда-то Марью эскимо на палочке и газированной водой. А однажды он купил коробку конфет «Разноцветный горошек» и повёл девушку в кино. Помнится, шёл фильм «Небесный тихоход». В тёмном зале он вложил ей в руку эту коробку. Получилось неловко, коробка выпала из рук Марьи и закатилась за соседнее сиденье. Парень начал её искать. Нашёл. Красный от смущения, он опять вручил злосчастный презент своей возлюбленной. И опять неловко. Коробка раскрылась, и горошек с весёлым стукатком стал подпрыгивать по зрительному залу.

Вот после этого трагикомичного случая Силантий, сам того не ожидая и ужасаясь своей смелости, взял да и сделал Марье предложение. Марья дала согласие. Тоже неожиданно и сразу. Без всякого там «надо подумать», «я к этому ещё не готова» и тому подобного.

Давно это было, а помнится так, будто вчера произошло. И было это в Томской области.

Глава 2

В Томской области Силантий и Марья оказались по вербовке в самом начале пятидесятых. Здесь, за тысячи километров от родной Белоруссии, выяснилось, что были они не только земляками, но и соседями: Петьковщина, родная деревня Силантия, находилась в двух часах ходьбы от Чемерис, где родилась и жила до этого Марья. Воистину, неисповедимы пути Господни. И до чего же разные были они: степенный, немногословный Силантий и звонкоголосая певунья Марья, озорница и хохотушка, а вот приглянулись друг другу.

Посёлок со смешным названием Мыльджино. Комната в огромном бараке, построенном для переселенцев прямо на болоте. А где же ещё могли его построить, если другие, более-менее сухие места были заняты коренным населением? Но эти годы были самыми счастливыми в их жизни, потому что они были молоды, потому что они любили. Даже тучи гнуса, от которого не спасали и накомарники, не омрачали их счастья.

Вот, правда, с детьми немного не так получилось, как хотелось. Не было у них своих детей – сказало на Марье военное лихолетье. Три выкидыша кряду, и врачебное заключение, как приговор. Федьку, мать которого утонула во время ледохода на Нюрольке, а отца никто никогда не видел, они усыновили пяти лет от роду и, переехав в Каргасок, а затем, поселившись в близлежащей деревне, не скрывали ни от кого, что он приёмный.

Правильно делали. Сейчас вон смотрит Силантий по телевизору разные умные передачи, где учёные люди решают, когда можно ребёнку узнать правду о его приёмных родителях, и удивляется Силантий глупости этих психологов. Так и хочется ему прервать их пустую говорильню:

– Сразу говорить правду нужно! Не надо ребёнку врать, тогда и трагедий меньше будет. Малое и переболеет быстрее.

Они не сюсюкались с Федькой, не оглядывались на людей, что, мол, скажет тот или другой. Если надо было наказывать за проказы да шалости, то Силантий и ремень в руки брал. Но никогда не было наказания по навету – несправедливости не допускали ни отец, ни мать.

С малых лет приучали к труду, и с шести-семи лет мальчик имел определённые обязанности: сходить в магазин за хлебом, наносить в дом дров, подмести пол, накормить собаку.

И Федька – ни в детстве, ни став уже подростком – ни разу не сказал им, что права они не имеют ему указывать или наказывать его, поскольку они ему – никто. Нет. Федька считал, что они и есть самые родные ему, самые что ни на есть любящие его люди. И самые любимые. Он, давно уже ставший Фёдором Силантьевичем, любил стариков настоящей сыновней любовью, горячей и нежной.

На похоронах матери седой профессор плакал и не замечал слёз. Так горько и безутешно плакал он только тогда, когда хоронили ту маму, родную. Эта тоже была родной.

Остался отец один. У Фёдора сжималось сердце при виде согбенной горем его фигуры и пустого взгляда. Казалось, отец потерял не только свою жену, но и самого себя, перестал понимать и принимать происходящее – казалось, оно его больше не интересовало вообще. Жил, как спал. Лилия сама предложила забрать отца в город. Квартира большая, трёхкомнатная. Места всем хватит. Сын Сергей к тому времени уже от них отселился и тоже не прочь был принять деда к себе в такую же трёхкомнатную квартиру. Но только вот сам Силантий с переездом что-то не поспешал.

Но созрел-таки и он, день отъезда.

Провожать Силантия пришли кум Николай с Одаркой и соседи. Сергей с Артёмом побыстрому закинули сумки в багажник внедорожника, захлопнули дверцу и закурили в ожидании конца церемонии прощания.

Силантий отдал куму ключ от дома, кликнул Полкана и пошёл к машине. Полкан устроился на коврик в ногах хозяина и виновато посматривал на Сергея, будто просил прощения за то, что тому приходится обременять себя заботой и о нем, старом псе, давно уже вышедшем в тираж. Но в то же время во взгляде том сквозила по-мужски сдержанная благодарность за то, что его, Полкана, не разлучили с любимым хозяином.

Сергей пожал руку деду Николаю, обнял его, чмокнул в щёку бабку Одарку и велел всем односельчанам забегать в гости, когда случится бывать в городе. Одарка, с трудом перемещая себя на варикозных ногах даже по своему подворью, пообещала забегать всенепременно. Николай промолчал, он дальше райцентра никуда не ездил. Как, впрочем, и сама Одарка.

Заехали на кладбище попрощаться с Марьей. Правда, вчера Силантий полдня просидел там, всё Марье обсказал, совета испросил, получил её благословение на городскую жизнь и попрощался. Когда уж теперь он её навестит, одному Богу известно. Но молодёжи не след знать о вчерашнем их разговоре – не поймут.

А вот внуку не лишне будет ещё раз поклониться бабке. Ведь Марья-то ему больше матерью была, чем даже мамка его учёная. Это ведь Марья его от родильного дома до самой школы тешила. Это ведь ей Сергей первое слово адресовал и из её рук первый шаг сделал. Ох, и любила же бабка внучонка своего долгожданного! А в любви да в ласке и дети вырастают благодарными да правильными. Как Федька. Как Серёжка. Разве не так? Вырос внук хорошим человеком, заботливым да внимательным и к родителям своим, и к деду с бабкой.

Шалопай маленько? Так молодой ещё. Придёт время – серьёзным станет. Да и шалопаем его, видать, только один Силантий и считает. Вон Федька сказывал, что Сергея-то депутатом выбирать собираются в городскую Думу.

Чуточку буржуй, потому что предприниматель? А вот тут уж Силантий ему не судья и не подсказчик, ничего путного не присоветует, потому что в ней, в жизни сегодняшней, он и сам ничего понять не может.

Только бы души свой не изгадил, внук дорогой, только бы в этой круговерти не потерял себя.

Только бы помнил, что человек должен оставаться человеком. Всегда. При любых обстоятельствах. Даже, будучи предпринимателем. Даже, став депутатом.

Тревога, ранее досаждавшая старику, улеглась, а вместе с ней улетучились и сомнения относительно переезда. К родным людям Силантий едет. К сыну. К невестке. К внуку. А значит, худо им с Полканом в том городе не будет.

Глава 3

Перед самым городом джип свернул с трассы и поехал по грунтовке. Почувствовав разницу между асфальтом и новой дорогой, задремавший было Силантий очнулся и спросил внука:

– А добрый шлях зробиць, чтобы до самого городу, грошей не хватило?

– Хватило, дед, грошей, – засмеялся Сергей. – Просто мы сейчас на дачу заскочим, зверя определим на ПМЖ и дальше поедem.

– А можа, сегодня он с нами заночуе? – просительно, не узнавая своего голоса, произнёс старик. – Как он там буде один-то на незнаёмым месте?

Будто почувствовав, что речь идёт о нём, Полкан забеспокоился, поднял голову, лизнул руку хозяина и тихонечко заскулил.

– Дед, не переживай! Во-первых, он не один там будет, а с Петровичем. А во-вторых, сейчас сам всё увидишь и успокоишься.

Силантий сник. Приближалась разлука, пусть и кратковременная. Они никогда не расставались. Но для себя старик решил твёрдо: всеми правдами и неправдами он получит разрешение жить там, где будет находиться его друг. Недельку – другую они с ним как-нибудь перемогнут друг без друга, но не более того. А сейчас Силантий, вроде, как в гости отлучится ненадолго. Родных попроведать.

Полкан понял ход мыслей хозяина и перестал скулить.

Джип подъехал к двухэтажному кирпичному особняку. Внук достал маленький телефон, нажал на зелёную клавишу, но разговаривать не стал, а только посигналил. Автоматические ворота разошлись сами по себе, и спустя минуту машина оказалась во дворе. Ворота опять сомкнулись.

«Как в кино про олигархов», – подумал Силантий, вылезая из салона и с любопытством оглядываясь по сторонам.

Двор большой, дом огромный. В дальнем углу ещё один дом, деревянный. Из него вышел сухой высокий мужчина неопределённого возраста и поспешил к приехавшим.

– Знакомся, Петрович, – произнёс Сергей, поздоровавшись, – это и есть мой дед, Силантий Игнатьевич.

И, обращаясь уже к деду, представил подошедшего:

– Петрович – хранитель нашего дачного очага и обитатель сего флигеля.

Внук кивнул в сторону деревянного дома, который, оказывается, вовсе не дом, как подумал Силантий, а флигель. Он торопливо отёр руку о брюки и почтительно протянул её хранителю дачного очага и обитателю флигеля.

Силантий, гордый Силантий, никогда и ни перед кем не ломавший шапки, откровенно заискивал перед незнакомцем! А как иначе? Ведь отныне тот будет опекуном его Полкана. Пусть даже и на несколько дней.

– Полкан, Полкаша, иди сюда, – засуетился старик, – познаёмся с Петровичем. Слухайся его. Он тебя не обидит.

Последние слова были адресованы явно не Полкану.

Петрович протянул руку, чтобы погладить пса, но тот угрожающе оскалил пасть и зарычал.

– Ну, что ты, дурень таки, так себя держать у чужым двору невозможно. Ты же не дома. Не ты тут хозяин, – пристыдил Полкана Силантий.

Пёс уже и сам понял свою оплошность и виновато посмотрел на Петровича.

– Ничего страшного, бывает, – улыбнулся тот. – Ну, что? Будем с жильём определяться? Пойдём, друг, покажу тебе твои хоромы.

И неторопливо, но широко шагая и не оглядываясь, направился к своему флигелю. Силантий семенил сбоку, едва поспевая за Петровичем, а рядом с ним, затравленно озираясь, шёл Полкан.

Новое жильё оказалось более чем роскошным, только вот сделанная умельцем-смотрителем собачья конура у будущего её хозяина восторга почему-то не вызвала. Полкан обошёл её с трёх сторон, обнюхал и лёг рядом. Силантий заглянул внутрь, зачем-то пощупал толстую войлочную подстилку, хотя и так было видно, что комфорт его другу обеспечили по высшему разряду. Петрович тем временем вынес чашку со специальным собачьим кормом, маленькую кастрюльку с водой и поставил перед собакой.

– От ты только посмотри, как об тебе хлопчуть! Ты дома таких харчей и не ведал! – восторженно воскликнул Силантий.

Восторг был явно фальшивым, Полкан это почувствовал и не притронулся ни к еде, ни к воде.

– Ешь, ешь, не стесняйся. Ну, чего ж ты, дурашка? Так невозможно, надо есть. А мне пора. До побачэння. Я надолго не затрымаюсь, хутка обернусь. Не скучай тут, – голос старика предательски дрогнул.

Он пристегнул цепь к ошейнику, погладил собаку по-стариковски дрожащей рукой и, боясь оглянуться, заторопился к уже заведённому джипу.

И как ни пытался Сергей развеять деда весёлыми шутками, всё было впустую – Силантий их не слышал. Он сосредоточенно смотрел в окно, пытаясь запомнить ориентиры, по которым в случае чего смог бы и без посторонней помощи добраться до того флигеля, где в роскошной конуре остался его Полкан.

Федор жил в самом центре города в большом девятиэтажном доме. Последний раз Силантий был здесь с Марьей, когда Сергея провожали в армию. Марья и после не раз навещалась к ним, приезжала и на новую квартиру Сергея посмотреть. А вот он не любил поездок – очень уж они его утомляли.

Подивился Силантий домофону – тогда, семнадцать лет назад такой штуковины на входе ещё не было. Поднялись на лифте на пятый этаж. Лифту старик не удивлялся – лифт здесь был всегда.

Сергей поставил сумки, чмокнул в щеку мать, поприветствовал взмахом руки вышедшего из зала отца и, пообещав приехать завтрашним вечером, вышел на лестничную площадку.

Пока Лилия готовила ужин, Фёдор предложил отцу принять ванну. Ванну Силантий любил. И в ранешние приезды всегда именно с неё начиналось его гостевание у сына. Фёдор сам налил воду, принёс банное полотенце и махровый халат.

– А халат-то мне на что? – удивился старик. – Я ж не женщина.

– Папа, на мокрое тело натягивать одежду ни к чему. Обсохнешь в нём, потом переоденешься.

Спорить Силантий не стал, но тёплые китайские кальсоны и такую же футболку, купленные по великому благу ещё в конце восьмидесятых, всё же прихватил. Не будет же он невестке свои голые ноги демонстрировать?

Мылся он долго и с большим удовольствием. Лежал в душистой воде, рассматривал красивые склянки с непонятными буквами на наклейках, дважды ополаскивался под душем

и радовался, что его дети живут так культурно. Потом насухо вытерся мягким полотенцем, надел кальсоны, футболку и, немного подумав, ещё и халат – чтобы уважить сына с невесткой.

Ужинать не стал, потому что по дороге они заезжали в кафе, и он еще не проголодался. Попил только чая и пошёл отдыхать. Время было позднее.

Но не спалось в эту ночь Силантию на мягкой постели в комнате, специально для него отведённой. Уже и Лилия отшумела посудой, которую мыла после ужина, и Федька отшуршал своими бумагами, а он всё ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть.

Сначала думал о Полкане. Вспомнил, как принёс его от соседа домой ещё щенком. Смешного, толстого, неуклюжего. Потом щенок превратился в молодого задорного подростка. А теперь вот они оба состарились.

Как он там? Поел или нет? Обвыкся малость или всё ещё дичится Петровича? Тот-то, кажись, человек хороший. А хороший человек животное любить должен. Значит, не в обиде будет Полкан. Внук обещался на выходные Силантия на дачу взять с собой. Там у него сауна, они с Артёмом и ещё там с кем-то по выходным туда ездят. Это хорошо. Значит, хоть раз в неделю, но будет Силантий с Полканом видеться.

Правда, для этого придётся предать баню и полюбить эту самую сауну. Что ж, коли надо, значит, полюбит. Ну, а потом уже он постепенно будет выторговывать себе право жить на той даче постоянно.

Утром позвонит Петровичу, узнает, как там Полкан переночевал. Вот теперь телефон-то Силантию и сгодится. Внук вчера номер Петровича на него записал.

А Федька молодец! По службе подымается, деканом назначили его.

Лилия объяснила ему, что это за должность, и Силантий сразу догадался, что Федька в университете навроде их Ивана Степановича на ферме, который там зоотехник. Лилия сказала, что, в общем-то, правильно понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.